

Родионов О.А.

Исихастское предание

в последние десятилетия истории Византии

**(Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, Симеон Солунский,
Марк Евгеник, митр. Ефесский)**

Последние десятилетия исторического бытия Византийской империи были не менее насыщены богословскими спорами и политическими потрясениями, чем XIV век. Разумеется, с особой интенсивностью обсуждается возможность объединительного собора с Римской Церковью, в связи с чем виднейшие представители Константинопольского Патриархата обращают свое внимание на те темы, которые разделяли христиан Византийского Востока и Западной Европы: учение об исхождении Святого Духа и триадология в целом, освящение Святых Даров, проблема посмертной участи грешных и праведных и учение об очистительном огне и проч. Поскольку одним из таких спорных вопросов было и учение о благодати, каковую представители томистского направления в латинской схоластике мыслили как тварный дар, не прекращалось и обсуждение богословского наследия свт. Григория Паламы и его ближайших соратников. Это было связано также с тем, что «латиномудрствующие» последних десятилетий истории Византии, как правило, были и «антипаламитами». Поэтому не стоит удивляться, что свт. Марк Ефесский, известный нам по большей части как пламенный антилатинский полемист, составил обширные опровержения заблуждений антипаламитов. Однако в этой атмосфере диспутов, собеседований, непрерывного обмена посольствами и даже публичных проповедей, более напо-

минавших богословские лекции, конечно же, никуда не исчезало и собственно исихастское предание.

Византия в этот период неуклонно превращается в «Империю на проливах», монашеская жизнь всюду, кроме Константинополя и (отчасти) Афона оказывается под угрозой, и потому не стоит удивляться, что все те святые, о которых сегодня пойдет речь, принадлежали именно к константинопольскому монашеству — так сказать, к «городскому исихазму».

1. Наиболее выдающимся исихастским сочинением рубежа XIV–XV вв. стал «Метод и точное правило... о выбирающих безмолвное и монашеское житие» в 100 главах (рус. пер.: Добротолюбие. Т. 5. С. 329–456). Нередко это же произведение именуют «Сотницей глав о безмолвнической жизни», а также сборником «Рай». Что он из себя представляет, расскажем чуть позже, а пока следует сказать несколько слов о его составителях.

Этот сборник принадлежит перу двух константинопольских исихастов, братьев Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Старший из них, Каллист, в 1397 г. стал патриархом Царьграда и в том же году скончался (патриаршество продлилось всего три месяца). О свв. Каллисте и Игнатии сохранилось очень мало сведений. Главным нашим источником до сих пор остается заметка об этих подвижниках, составленная свт. Симеоном Солунским (известным литургистом; о нем как о подвижнике-исихасте речь у нас пойдет чуть позже). Он подвизался в монастыре Ксанфопулов в Константинополе, то есть там же, где жили свв. Каллист и Игнатий, и близко знал их. Сами Каллист и Игнатий, вероятно, вначале жили отшельнической жизнью на Афоне, а затем перебрались в Константинополь, где основали небольшую мона-

шескую общину. Вскоре ими был основан монастырь Ксанфопулов. Вот как о них повествует свт. Симеон:

...В наши дни о [молитве Иисусовой] превосходно написали Духом, поскольку и сами были от Бога, богоглаголивые и богоносные и христоносные и божественные воистину: иже во святых отец наш Каллист, ставший от Бога Патриархом Царствующего [града] Нового Рима, и единоклубный ему и сподвижник, преподобный Игнатий. И в книге, составленной ими духовно и богомудро и весьма высоко, они любознательно изложили в ста главах (число совершенное) совершенное о ней ведение. — Они, будучи отраслями это Царствующего града, вместе оставив все, вначале девственно и монашески пожили в подчинении, а потом жили вместе подвижнически и небесно и неразлучно, превосходно сохранив единство во Христе (как и Сам Христос о нас всех молился к Отцу [Ин. 17, 11]), и явились как светила в мире, по [апостолу] Павлу, имея слово жизни [ср. Флп. 2, 15]. Ибо они едва ли не более многих [других] освященных достигли единения и любви, так что в них никогда нельзя было заподозрить и небольшого какого-либо различия, даже в мановении или нраве, или на мгновение какого-нибудь огорчения, что в человеках почти невозможно. И сего ради став ангело[подобными], и соблюдши и стяжав в себе, как они [и] молились, мир Божий, который есть Иисус Христос, «мир наш ([так] говорит [апостол] Павел), сотворивый обоя едино» [Еф. 2, 14], Егоже мир превосходит всякий ум [Флп. 4, 7], мирно преставившись, ныне наслаждаются горней тишины, и теперь чистейше созерцают Иисуса, Которого от души возлюбили и Которого воистину взыскали, и пребывают едино с Ним, и свету Его сладчайшему ненасытно причащаются: залогом чего они получили еще здесь, став очищенными созерцанием ($\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$) и деяниями ($\pi\rho\acute{\alpha}\xi\epsilon\sigma\iota$); и сподобились божественного осияния на

Горе, как и Апостолы. И это явлено было явно многим во свидетельство, [ибо] они были видимы с блистающими лицами, подобно [первомученику] Стефану [см.: Деян. 6, 15], поскольку не только в сердце, но и на лицо их излилась благодать. Поэтому и подобно оному великому Моисею [см.: Исх. 34, 29–30] они явились блистающими солнцевидно зраком. И они, как претерпевшие добре эту блаженную страсть и на опыте познавшие, ясно повествуют о божественном свете, природном действии Бога и благодати, и приводят в свидетели святых, как и о священной молитве.

(Диалог, гл. 295)

Таков рассказ свт. Симеона Солунского.

В настоящее время неизвестно, где находился пользовавшийся в начале XV в. славой монастырь Ксанфопулов. Вероятно, вначале это была простая «келлия», но затем она получила статус обители, и к началу XV столетия этот монастырь стал одним из центров духовной жизни византийской столицы. Помимо Каллиста и Игнатия, с этой обителью были связаны иером. Макарий «иже из иудеев», духовник имп. Мануила II Палеолога, и патриарх Константинопольский Исидор II. Кроме того, в XV в. это был и центр певческого мастерства: там творили, по меньшей мере, три известных византийских «мелурга» (творца мелодий богослужбных песнопений). Упомянутый ранее свт. Симеон Солунский полагал в монастыре Ксанфопулов начало своего монашеского подвига. Связан с этой обителью был и свт. Марк Ефесский.

Как уже говорилось, св. Каллист скончался в 1397 г. патриархом Цареградским. Его брат Игнатий, вероятно, пережил его и стал духовником обители Ксанфопулов (во всяком случае,

такой вывод можно сделать на основании письма Симеона Солунского игумену этого монастыря Макарию; письмо было написано в 1423 г.). Скончался Игнатий при жизни свт. Симеона, т.е. до 1429 г.

Что же такое «Сотница глав», составленная святыми Каллистом и Игнатием?

Из гл. 2 мы узнаём, что написана она была по просьбе некоего монаха из той же обители, который желал получить наставления этих выдающихся подвижников в письменном виде, чтобы пользоваться ими в качестве руководства. Название его: «Метод и точное правило с Богом, содержащее свидетельства от святых, об избравших жизнь безмолвническую и уединенную, об обучении, и образе жизни, и распорядке их, и о том, скольких и сколь великих благ становится причиною безмолвие; разделяется же настоящее сочинение на сто глав» (греч. «Добротолюбие». Т. 4. С. 197). Это своего рода комментированный флогилегий (антология, «цветособрание» или, если угодно, «Цветник»), в котором материал распределен по темам. Среди отцов и церковных писателей, чьи свидетельства о духовной жизни приводятся в «Сотнице», — Евагрий (под именем Нила Постника), прп. Исаак Сирин, блж. Диадокх Фотикийский, прпп. Варсануфий Великий и Иоанн Пророк, прп. Иоанн Синайский (Лествичник), прп. Авва Дорофей, прп. Иоанн Дамаскин и др. Современные исследователи указывают, что свв. Каллист и Игнатий Ксанфопулы использовали другие сборники подобного рода, в частности, флорилегий, входящий в состав «Слова о хранении сердца» прп. Никифора Исихаста. Важно также и то, что Каллист и Игнатий приводят не только слова древних наставников монашества, но и

фактически современников, таких, как прпп. Никифор Исихаст и Григорий Синаит, свт. Григорий Палама и прп. Каллист Ангеликуд (не упоминая, однако, их имен). Как пишет М. Бернацкий в своей статье о Каллисте Ксанфопуле, «“Сотница” с ее четкой тематической структурой является прекрасным примером заключительного периода византийской мистики, синтеза древней и современной авторам аскетических традиций, где центральное место занимают молитва Иисусова и сопутствующие ей психофизические методы» (Православная энциклопедия. Т. 29. С. 538).

Приведем некоторые характерные отрывки (по пер. свт. Феофана Затворника, «Добротолюбие», Т. 5):

Нам, которые, яко чада Света и наследники Божии, сонаследники же Христовы, по обетованию же божественному должны быть научаемы самим Богом (Ин. 6, 45), носить неизреченно в сердце яснее пламени написанным Новый Завет, и управляться благим и правым Духом, надлежало бы жить Ангелоподражательно и никакой не иметь нужды, чтоб кто-либо научал нас: «познай Господа» (Иерем. 31, 34). Но как ныне с одной стороны наше с детства отклонение от доброго и уклонение к худому, с другой обольщение и непримиримая вражда против нас лютого велиара, научают нас, отвратившись от спасительных и боготворных заповедей, носиться по душепагубным стремнинам, и, что всего плачевнее, возбуждают нас против самих себя и мудрствовать и действовать, до того, что, по слову Божию, «несть разумевай или взыскай Бога», и мы все, уклонившись от правого пути, стали неключимы (Пс. 13:2. 3), плотяны и безблагодатны: то крайнюю имеем нужду во взаимном друга друга направлении к добру и содействию в том.

(Гл. 1)

Основное начало нашего с Божией помощью наставления кратко совмещается в следующем положении: надобно всячески и всеусильно стараться жить по законоположению всех боготворных заповедей Спасителя; – чтоб чрез соблюдение их взойти опять к тому совершенному духовно – благодатному возображению и воссозданию, какое в начале туне даровано нам было, во святой купели, или, – если угодно тебе так определить сей дар, – чтоб отложив ветхого Адама с деяниями и похотями его, облещися в нового и духовного, который есть Господь Иисус Христос...

(Гл. 4)

Начало всякого Боголюбезного действования есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, – так как Он Сам заявил: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5), и с сим призыванием мир и любовь... Сии же не только благоприятной делают молитву, но и сами опять из сей молитвы рождаются и воссиявают, как неразлучные божественные лучи, и возрастают и в совершенство приходят.

(Гл. 8)

Каждым из сих трех, и всеми тремя вместе подается нам и множится в нас обилие всех благ. – Ибо с верою призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа твердо надеемся мы получить милость и жизнь истинную, в Нем сокровенную, кои, при частом возгласении внутрь сердца имени Господа нашего Иисуса Христа, источаются из него, как из некоего божественного источника приснотекущего. – Превосходящим всякий ум и никакого предела не имеющим, миром сподобляемся примирения с Богом и друг с другом. – любовью, коей хвала несравненна, – так как она есть конец и глава закона и пророков, так как и Бог именуется любовью, – всецело сочетаемся с Богом, при

упразднении греха нашего правдою Божией и при дивно чрез любовь действующем в нас благодатном сыноположении.

(Гл. 9)

...На этой триплетеной и нерасторжимой верви висит из всех добродетелей Богом сотканная порфира. Ибо жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспешренная цепь, в коей одна добродетель тесно сочетается с другой и все сгармонизовываются во едино: так как все они одно дело устроят, – именно то, что обожают человека, искренно в них живущего, обогащая его некако, как бы соединительными кольцами, – этим сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа, с верою, если же хочешь, и с надеждою и смирением, спасительным призыванием, а также обогащая миром и любовью, кои суть воистину богонасажденное трехстебельное дерево, – жизнеподательное, которого благовременно касающийся и, как подобает, причащающийся, не смерть, как первозданный, а жизнь непрестающую и вечную собирает.

(Гл. 11)

Святого Духа дар и присещение подается верным от Бога Отца, о Христе Иисусе и о святом имени Его.

(Гл. 12)

Желаем мы, чтоб ты ведал и то, что и совершенства достигшие, чрез очищение себя и просвещение, сколько это возможно [ибо в нынешнем несовершенном веке нет совершенного совершенства, но паче недовершенное совершенство], – и такие не всегда сохраняют неизменность, и по причине естественной немощи, и по причине прокрадывающегося иной раз возношения, но и изменения и окрадения претерпевают иногда во испытание, и опять заступлений наибольших сподобляются. Ибо непреложность и неизменность есть достояние будущего века; в настоящем же веке бывает то время чистоты, мира и утешения боже-

ственного, то примешения нечистого волнения и печали, и это соответственно жизни и преуспеянию каждого, и имиже весть Господь судьбами, для того, да познавая из сего немощь свою [ибо блажен, говорит некто, сознающий немощь свою], подобно св. Павлу, «ненадеющиеся будем на ся, но на Бога, восставляющего мертвых» (2 Кор. 1, 9)...

(Гл. 43)

Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутрь сердца, без всякой другой мысли и воображения какого-либо, словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий» невещественно и безгласно воспростирает ум к самому призываемому Господу Иисусу Христу, словами же: «помилуй мя» опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда он достигнет опытом совершенной любви, тогда всецело воспростирается он к единому Господу Иисусу Христу, о втором (т.е. о помиловании) прияв действительное извещение. (Почему, как говорит другой некто, взывает только: «Господи, Иисусе Христе!» в сильном любительном расположении сердца).

(Гл. 48)

Ничто столько не содействует и не способствует нам к очищению души, к просвещению ума и к освящению тела, и обеих их божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, свойственнейше же сказать. к преестественному с Богом единению и божественному сочетанию и срастворению, как частое, с чистым сердцем и расположением, сколько то возможно человеку, причащение Святых, пречистых, бессмертных и животворящих тайн, – самого, говорим, честного тела и крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

(Гл. 91)

Как должно слушать и принимать духовные словеса отцов.

Паче же всего надлежит тебе уразуметь, как следует, верно и с подобающим благоговением принимать и выслушивать божественные и духовные законоположения отцов. Ибо св. Макарий говорит: «духовные предметы недосыгаемы для не испытавших их. К душе же святой и верной на помощь к постижению их приходит причастие Святого Духа; и тогда небесные сокровища Духа приемлющему их опытом одному бывают яственны, не посвященному же в сие даже и помыслить о том совершенно невозможно. Итак благоговейно слушай о них, пока и ты, веры ради, сподобишься получить то же. Тогда самым опытом душевных очес узнаешь, каких благ и таинств души христиан могут быть причастны еще здесь». Находясь в таком состоянии, ты очень скоро соберешь богатый приплод и пользу и от того, что написано и от того, что услышать случится; и соединяя с научением и делание узнанного, преуспеешь до того, что будешь в состоянии и других увещевать и руководить самым опытом к вещам божественнейшим, для многих недоступным...

(Гл. 96)

...Святые отцы жителство сие величают многими славными наименованиями: они наименовали его путем разумным, деянием похвальным и созерцанием верным, пространнейшей молитвою, трезвением ума, умным деланием, делом будущего века, Ангельским жителством, небесным житием, божественным поведением, страной живых, таинственным возреванием, духовною трапезою полнейшей, раем, Богом сделанным, небом, небесным царством, Божиим царством, мраком превысшим света, жизнью во Христе сокровенной, боговидением, обожением преестествонейшим и другими близкими к сим. ...Жизни же сей равноангельной предводитель есть Сын Божий, Бог – Слово, по новому неизреченному воплощенному домостроительству Свое-

му, по благоволению безначального Отца и содействию Святого Духа.

(Гл. 99)

2. Свт. Симеон Солунский, благодаря которому мы располагаем пусть и кратким, но весьма ценным свидетельством о святых Ксанфопулах, воспринимается нами по преимуществу как толкователь чинопоследований таинств и обрядов Православной Церкви. Между тем, это был опытный подвижник, оставивший нам увещание к молитвенному деланию, также вошедшее впоследствии в антологию «Добротолюбие» — и по праву!

Вот что пишет св. Симеон:

Есть много молитв, но превосходнее всех та, которую дал нам Сам Спаситель (Отче наш, как пишется в Евангелии, яко объемлющая вкратце всю Евангельскую истину, — а после нее спасительное призывание Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, в научении нас которому потрудились многие преподобные отцы наши, и между ними златословесный отец наш, в трех словах изложивший учение о сей божественной молитве; затем богоносный Лествичник, Диадок святой, епископ Фотики, Симеон новый богослов, аскет Никифор и другие многие. Они говорили о ней достойно жившего в них Духа Божия, так как и молитва сия в Духе Святом изрекается, как говорит св. Павел: «никтоже может рещи Господа Иисуса, точю Духом Святым» (2 Кор. 12, 3). И тот, кто изрекает ее, от Бога есть, как говорит св. Иоанн: «всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть» (1 Ин. 4, 2).

Сия божественная молитва, состоящая в призвании Спасителя есть следующая: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры, —

Духа Святого и божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, божественного просвещения подательница, милости Божией кладезь, откровения тайн Божиих ходатаица, единая спасительница, яко имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, – имя Иисуса Христа Сына Божия, на нас названное. «И несть иного имене под небесем, о немже подобает спасться нам» (Деян. 4, 12), как говорит Апостол. Призывание сие есть и молитва, потому что сим испрашиваемы милости Божией, – и обет, потому в нем мы себя самих предаем Христу чрез призывание Его, и исповедание, потому что, исповедав так Господа Иисуса, Петр ублажен Им (Мф. 16, 17), – и сердца очищение, потому что Бог зрит и призывает и очищает того, кто таким образом зрит Бога, – бесов изгнание, потому что именем Иисуса Христа бесы были изгоняемы и изгоняются, – и вселение Христа, потому что Христос в нас есть памятованием о Нем и памятованием сим вселяется в нас и исполняет веселия, как говорит св. Давид: «помянух Бога и возвеселихся» (Пс. 76, 4), и духовных разумений и помыслов источник, потому что во Христе «все сокровища премудрости и разума сокровенна» (Кол. 2, 3), и Он подает их тем, в коих вселяется, – и божественного просвещения подательница, потому что «Христос есть истинный свет» (1 Ин. 5, 20), и призывающим Его сообщает просвещение и благодать, – как пророк взывал: «буди светлость Господа Бога нашего на нас» (Пс. 89, 17) и как Господь обетовал: «Ходяй по Мне имать свет животный» (Ин. 8, 12), – и милости Божией кладезь. Потому что милостив Господь и ущедряет всех призывающих Его (Пс. 85, 5) и «творит скорое отмщение вопиющих к Нему» (Лк. 18, 7–8), – и откровения смиренным тайн Божиих ходатаица, как рыбаю

Петру истина о Христе явлена была от Отца небесного (Мф. 16, 17), и как св. Павел «восхищен был в рай до третьего неба и слышал неизреченные глаголы» (2 Кор. 12, 4), – и единая спасительница, потому что «несть ни в едином же ином спасения» (Деян. 4:11), кроме Господа, к Коему взываем, ибо сей «единый есть Спас мира Христос» (Ин. 4, 42). Почему в последний день, хотя и не хотя, «всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил. 2, 11). Такое исповедание есть знак веры нашей и свидетельство, что мы – от Бога. Ибо «всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть», а не исповедующий сего «от Бога несть», а есть «антихристов» (1Иоан. 4, 3). Почему всем верующим надлежит имя сие непрестанно исповедовать, и для проповедания веры, и для засвидетельствования любви нашей к Господу нашему Иисусу Христу, от которой ничто никогда отнюдь не должно нас разлучать, и ради благодати от имени сего, отпущения грехов, уврачевания души, освящения, просвещения. и прежде всего ради спасения. Божественный Евангелист говорит: «сия писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий». Се вера! – и «да верующе живот имате во имя Его». Се спасение и жизнь! (Ин. 20, 31).

Сие призывание всякий благочестивый всегда да возглашает, как молитву, и умом своим и языком, и стоя, и ходя, и сидя, и склоняясь на ложе; и говоря что-либо, и делая, – и всегда да понуждает себя к тому, и обретет великий покой и радость, как опытно знают это имеющие о сем заботливое попечение. – Но как это для людей житейских и даже для монахов, когда они находятся в неизбежных хлопотах о житейском, невыполнимо, то хоть определенное время пусть каждый на это отрядит, – только да имеют правилом всегда творить молитву сию все, и освященного чина лица, и монашествующие, и миряне: монаше-

ствующие, как к тому уже и призванные и неотложный долг имеющие, хотя в хлопотах бывают по исполнению послушаний, всегда да нудят себя творить сию молитву и призывать Господа непрестанно, хотя с расхищением мыслей и пленениями ума, и по причине сего расхищения да не позволяют себе нерадеть о ней, но всячески да стараются опять возвращаться к ней и радоваться сему возвращению; лица священного сана да радеют о сем деле, как о проповеди, как о священнодействии, как о проявлении любви своей ко Христу Господу; миряне да блюдут сию молитву, как печать и знамение веры своей, как охрану, освящение и отгнание искушений, — Сего ради все и лица священного сана, и миряне, и монахи, восстав от сна, прежде всего должны вспоминать о Христе и об Нем помыслить, принося Ему сие первомыслие, как жертву, яко Им спасенные, Его имя носящие, в Него облекшиеся во святом крещении, Им запечатленные во святом миропомазании, Его тела и крови причащающиеся и через то членами Его делающиеся, и храмом, и живущим Его в себе имеющие. За все сие всякий христианин долг имеет вседушно любить Его, и по любви сей стараться всегда помнить Его; и кроме того иметь определенное время творить молитву Его по силе своей.

(Диалог. Гл. 295–297)

3. Наконец, последний святой исихаст, о котором также необходимо сказать несколько слов, — это свт. Марк Ефесский, борец за Православие на Ферраро-Флорентийском соборе. Архиерейский сан святитель принял, можно сказать, по принуждению: императору Иоанну VIII очень нужен был достойный представитель Церкви на Соборе, и именно в иеромонахе Марке он видел все те дарования, которыми, по его мнению, должно было

отличаться такое лицо. Св. Марк совершенно не стремился к епископству, но прилежал аскетическим и учено-богословским занятиям. Ему принадлежит Толкование на молитву Иисусову (недавно переведенное на русский язык), но не этого его сочинения я хотел бы коснуться. Свт. Марк был не только полемистом, богословом и проч.; он был еще и песнописцем, и песнописцем замечательным. И именно в гимнах, созданных св. Марком Ефесским, наиболее ярко отразилась его принадлежность к исихастскому течению византийской духовности. Во-первых, ему принадлежит своеобразная редакция службы Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу, которую он дополнил «мегалинариями», все содержание которых — моление Именем Иисусовым. Вот всего два примера (мегалинариев восемь):

Иисусе, сладчайший Иисусе, Иисусе, дыхание мое, Иисусе мой, сладость сердца моего, Боже мой, Иисусе мой, рачение мое, Иисусе мой, свете мой, спаси мя!

Иисусе, сладчайший Иисусе, Иисусе, Женише душ наших, Иисусе, сердца моего трезвение, Христе мой, Иисусе мой, Боже мой, Иисусе мой, просвети, спаси мя!

Но помимо этого, св. Марк составил еще и совершенно уникальный для византийской гимнографии цикл: восемь канонов на восемь гласов, и каждый из этих канонов направлен против одной из главных страстей (чревоугодия, блуда, сребролюбия, печали, гнева, уныния, тщеславия и гордости).

В этих канонах св. Марк Евгеник предстает как опытный и рассудительный подвижник, прекрасно изучивший движения души, «изменения», пути развития страсти от простого прилога до ее укоренения. И главным оружием в борьбе со страстными

помыслами оказываются трезвение и молитва, что неподражаемым образом выражено в тропарях и седальнях этого уникального «октоиха».

Вот, например, седален по 6-й песни 1-го канона (На чревоугодие):

Древо жизни, насыти мя алчуща, манна сладости, исцели мою жажду, живой Хлебе, Господи, сердце мое утверди, нападениями лукаваго рассеиваемое, и сподоби свободы воздух сладкий вдыхати, молюся!

А вот 5-й тропарь 9-й песни того же канона:

Всю огнедохновенную силу Утешителя даруй сердцу моему, властвовать сластями побуждающую, и просвещающую, и разумляющую, и всего мя творящую божественным орудием благодати.

В 3-м тропаре 5-й песни 2-го канона находим описание развития страсти (для большей понятности приведем этот фрагмент в переводе на русский, а не на церковнославянский):

Ныне получил силу порок, восприняв привычку, сотворить во мне неудобоизгладимый навык; ибо страстно беседовав с прилогом посредством сладного сочетания, я деяниями навыкновение превратил в натуру (природу).

В 5-м тропаре 9-й песни 3-го канона (на сребролюбие) вновь встречаем аллюзию на умно-сердечную молитву:

Содержай рукою Твоею всяческая и управляй, яко Бог, сердце мое разшири, молюся, утесненное от страстей и дольняя мудрствующее, и даждь познати ми Твое вселение и благоугодити Ти деянием.

На Иисусову молитву указывает как на оружие против печали и 4-й тропарь 3-й песни 4-го канона:

Яко в крепчайшем граде, живя во уповании, Енох Божие призываше Имя; сие и ты хранящи, помыслы горькими и печальными, душе, снедаема не будеши.

Или там же, в 1-м и 3-м тропарях 8-й песни:

Трезвящийся ум и око душевное, бдящее присно и бодренно, даруй ми, Господи, да не в смерть душевную и окаянную зле усну, и речет враг, ругаяся ми: «Укрепихся на него», и вельми возликует.

Радости вечныя сладчайшия источниче златовиднейший, Преблагий, исполни сердце мое радости и хваления божественнаго Твоего Имене, источник радостный слез душевных ми подавая, иже земли внутренния лице напоет.

То же в 5-м каноне (п. 9, т. 4–5):

В рове преисподнейшем погибели положиша мя врази, в тине помыслов душевредных, и вопиюща Твое честное Имя, Христе, ранами уязвляют, молчати повелевающе.

Все мое отверзи сердце, Иисусе Христе, и исполни Твоя святолепныя памяти, воздыхающее сладостное Имя Твое, убив змия внутрь сокрывающагося.

Эти проникновенные слова одного из последних собственно византийских подвижников-исихастов позволяют нам хотя бы отчасти распознать реальные черты «сокровенного делания» монахов того нелегкого времени, — черты, которые нередко оказываются совершенно не видны за полемическими богословскими построениями и отголосками многочисленных конфликтов эпохи заката Империи Ромеев.